

Шумилин Михаил Владимирович

ТЕМА ВРЕМЕНИ В «ФАРСАЛИИ» ЛУКАНА:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Специальность 10.02.14 – классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Н. П. Гринцер

Москва

2011

Работа выполнена в Институте восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук
Гринцер Николай Павлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Кузнецов Александр Евгеньевич
Филологический факультет Московского
государственного университета им.
М.В. Ломоносова

кандидат филологических наук
Журбина Анна Викторовна
Институт мировой литературы им.
А.М. Горького

Ведущая организация: Институт философии Российской академии
наук

Защита состоится «__» _____ 2012 г. в __ часов на заседании
диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном
университете имени М.В. Ломоносова по адресу:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 учебный корпус,
филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «__» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

О.М. Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объект исследования – «Фарсалия» (*Bellum civile*) Марка Аннея Лукана, латинская поэма середины I в. н. э., в ее историко-культурном контексте. Согласно биографической традиции, Лукан, племянник Луция Аннея Сенеки Младшего, одно время был среди любимцев императора Нерона, но после попал в немилость и покончил с собой, когда его обвинили в участии в заговоре Пизона.

Главный предмет исследования – особенности трактовки темы времени в поэме Лукана, ее место в общей тематической и композиционной структуре «Фарсалии». Мы постараемся доказать, что данная тема может служить своеобразным ключом к общей интерпретации поэмы, ее культурного, исторического и литературного смысла. При этом для полноты интерпретации мы привлекаем и материал, лежащий за рамками собственно «Фарсалии». Важнейшим из таких дополнительных предметов станет стоическая философия и ее связь с развитием темы времени в произведении Лукана (наиболее значимым философским фоном для Лукана традиционно и, мы полагаем, корректно считается именно стоическая философия, на основании как биографической традиции, так и отдельных указаний самого текста «Фарсалии»).

Научная актуальность исследования. Проблемы общей интерпретации поэмы Лукана в последние 20–30 лет стали привлекать особенное внимание западной науки. Причины этого не только в том, что прежде Луканом, как и прочими авторами латинского «Серебряного века», довольно долго скорее пренебрегали, но еще и в большой культурной значимости поэмы. Ее понимание проливает свет на литературу раннего принципата в целом: в «Фарсалии» сконцентрированы центральные для этой эпохи проблемы соотношения художественного произведения и философского наставления, правды и вымысла, поэзии и политической деятельности, текста и зрелища. В то же время согласие по центральным

вопросам интерпретации поэмы и отношения поэмы к ее контексту (например, стоик ли Лукан?) так и не было достигнуто; эта проблематика остается актуальной и оживленно обсуждаемой.

Степень изученности темы. На протяжении всей истории интерпретации поэмы Лукана ее пытались «объяснить» (с точки зрения смысла отдельных деталей или – реже – структуры и «сообщения» в целом), соотнося с различными контекстами, в том числе философскими, однако попытки последовательной интерпретации «Фарсалии», соотнесенной с целостной картиной стоических философских взглядов, имели место только в послевоенной науке (Б. Марти¹ и ее последователи стали интерпретировать поэму как последовательную иллюстрацию стоической этики, видя в Помпее фигуру стоического «совершенствующегося» (προκόπτων, proficiens)). Однако в последовавших затем дискуссиях многократно указывалось, что такой подход имеет серьезные слабые места и видеть в Лукане «только стоика» затруднительно. Альтернативная англо-американская школа изучения поэмы (прежде всего в монографиях У. Р. Джонсона, Дж. Мастерса, Ш. Бартч и М. Ли)² прекрасно осветила ряд аспектов организации поэмы (парадоксализм, важную для Лукана тему риторического вовлечения читателя в события, мыслимые как зрелище), но в вопросах интерпретации эта школа обратилась к другой крайности, отрицая всякую содержательную связь поэмы с философским контекстом и считая ее «нигилистической» игрой. Концепции названных англо-американских ученых, соответственно, также подверглись ожесточенной критике. Таким образом, несмотря на значительную степень изученности текста, дискуссии об интерпретации поэмы нельзя считать завершенными. В русскоязычной науке есть только

¹ *Marti B. M.* The Meaning of the Pharsalia // *The American Journal of Philology*. Vol. LXVI. 1945. P. 352–376.

² *Johnson W. R.* Momentary Monsters: Lucan and His Heroes. Ithaca; London, 1987; *Masters J.* Poetry and Civil War in Lucan's 'Bellum Civile'. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1992; *Bartsch S.* Ideology in Cold Blood: A Reading of Lucan's Civil War. Cambridge (Massachusetts); London, 1997; *Leigh M.* Lucan: Spectacle and Engagement. Oxford, 1997.

очень небольшое количество работ, касающихся «Фарсалии», и в основном в них идет речь только об отдельных аспектах поэмы³.

Главная цель исследования – выявить основные художественные принципы организации произведения Лукана, как на формально-композиционном, так и на содержательно-идейном уровне, показать роль темы времени в системном строении «Фарсалии». В рамки этой цели входит ответ на такие вопросы, как:

- Можно ли считать поэму стоической? В какой степени Лукан использует стоическую философию? Как Лукан обращается со стоическими темами и идеями? Как он модифицирует их?

- Как на основе этого можно объяснить непоследовательность автора/нарратора в своем отношении к центральным персонажам?

- Как на основе этого можно объяснить парадокс включения в поэму трех последних книг, описывающих события после Фарсальской битвы, при том что остальная поэма вроде бы построена как подводящая именно к этому сражению?

- Какое место занимает стоическая философия среди других актуальных для Лукана культурных контекстов? Через какие еще сопоставления можно описывать систему «сообщений» поэмы?

Задачи исследования. Поставленная перед исследованием цель предполагает разрешение следующих задач:

- Сопоставить философские теории времени римских стоиков с изображением времени в «Фарсалии»;

- Показать роль темы времени в формировании/изменении авторского отношения к персонажам и в видимых противоречиях этого отношения;

³ Из сравнительно недавних работ, затрагивающих и вопросы общей интерпретации «Фарсалии», можно упомянуть лишь *Петкович А.* Эпический *figor* и осмысление понятий *civis* и *hostis* в «Гражданской войне» Марка Аннея Лукана // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XI* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2007. С. 233–239; *Теперик Т. Ф.* Поэтика сновидений в античном эпосе (на материале поэм Гомера, Аполлония Родосского, Вергилия, Лукана). М., 2008 (диссертация).

- Показать связь тематики книг с восьмой по десятую (включение которых в поэму, мы полагаем, нуждается в специальном объяснении) с лукановской разработкой темы времени;
- Выяснить, насколько мы можем представить себе литературно-теоретические взгляды Лукана на использование философского и вообще непоэтического материала в поэзии;
- Сопоставить разработку темы времени у Лукана с разработкой темы времени в других римских и греческих эпических текстах.

Источниковедческая база работы. Кроме самой поэмы Лукана «Фарсалия», в рассмотрение включаются в первую очередь свидетельства о стоической философии времени (прежде всего собранные И. фон Арнимом фрагменты ранних стоиков на данную тему и сочинение Сенеки «О краткости жизни»), другие тексты римской эпической традиции (прежде всего фрагменты «Анналов» Энния, «Энеида» Вергилия, «Метаморфозы» Овидия и «Фиваида» Стация), используемые Луканом греческие поэтические тексты (прежде всего «Илиада» и «Одиссея», а также «Териака» Никандра), свидетельства об античных спорах по поводу Лукана (у Петрония, Сервия и др. авторов), а также свидетельства о рецепции и понимании поэмы (схолии, средневековые переложения и т. д.). Такой охват источников необходим для намеченных нами сопоставлений, а также для понимания текста Лукана (как самого по себе, так и его восприятия читателями).

Методологические основания работы. Мы ориентировались на традиционные филологические методы критики и интерпретации текста, привлекая по мере необходимости различные теоретические подходы современного литературоведения (прежде всего нарратологии, поскольку она активно используется западными учеными, положения которых критикуются в работе).

Новизна работы. Принципиально новой является идея сместить в изучении вопроса о стоической философии у Лукана акцент с расплывчатой «общей картины» на конкретный аспект, важный и подробно разработанный

как у Лукана, так и в теоретических сочинениях римских стоиков. Предполагается, что этот аспект окажется «ключом», который позволит разрешить и вопросы интерпретации поэмы в целом. Кроме того, в работе впервые применяется к общей интерпретации поэмы взгляд, согласно которому Лукан может представлять собственные оригинальные решения и модификации проблем стоической философии, не являясь ее последовательным адептом, но и не отвергая ее целиком.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. «Фарсалия» не является ни иллюстрацией к стоической этике, ни полным отрицанием этой этики; Лукан свободно творчески развивает отдельные темы римских стоиков, точно так же как он свободно творчески развивает, напр., темы и модели античной поэтической традиции;

2. Видимые противоречия в характеристиках персонажей «Фарсалии» устраняются, если одновременно учитывать организацию времени персонажей «Фарсалии» и представления Лукана о вовлечении читателей во время персонажей;

3. При учете особенностей трактовки Луканом темы времени книги с 8 по 10 оказываются вполне органичной частью поэмы, так как призваны показать пересечение гражданской войной всех границ (в т. ч. временных и пространственных);

4. Античные обвинения «Фарсалии» в «непоэтичности» обусловлены применением к поэме эллинистической оппозиции *historia–fabula–argumentum*, которая в свою очередь развивает аристотелевское противопоставление поэзии и истории.

Практическое применение результатов исследования.

Практические результаты исследования могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по истории античной литературы и культуры.

Апробация работы. Положения диссертационной работы были представлены в виде докладов и сообщений на конференции «Классическая

филология в контексте мировой культуры. К 145-летию С. И. Соболевского и 140-летию М. М. Покровского» (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 11 ноября 2009 г.), на конференции «O tempora, o mores!» (Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 20–21 ноября 2009 г.), на XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 14 апреля 2010 г.) и на XV чтениях памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, 20–22 июня 2011 г.).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех частей по две главы каждая плюс дополнительной седьмой главы, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** указываются и поясняются цели и задачи исследования, поясняются используемые понятия и подходы к тексту, очерчивается структура работы. Предлагается строить интерпретацию, исходя из модели сопоставления системы представлений текста с внешней по отношению к нему системой представлений (в данном случае с системой стоической философии).

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ («К постановке вопроса») включает две вводные главы, которые должны уточнить постановку вопроса исследования.

В **ПЕРВОЙ ГЛАВЕ («Античные споры о “Фарсалии” и идея нарушения границ поэзии»)**, прежде чем перейти к обзору истории вопроса в науке Средних веков и Нового времени, мы рассматриваем хронологически более ранний этап обсуждения поэмы – античные споры о «Фарсалии». Здесь мы еще не находим никакого обсуждения интересующих нас вопросов общей интерпретации поэмы, но зато у нас есть набор утверждений, что Лукан – не

поэт, а историк (или оратор). Этот взгляд также важен для нашей постановки вопроса, поскольку отражает представления если не самого Лукана, то по крайней мере близких к нему по времени читателей поэмы о границах поэзии и о возможностях пересечения этих границ, что существенно для рассмотрения нами возможности «проникновения» философии в поэзию. Поэтому мы считаем нужным реконструировать в первой главе контекст упомянутых утверждений.

Рассматривая сохранившиеся свидетельства об обвинениях против Лукана, мы разбиваем их на несколько групп:

1. утверждения, что Лукан не поэт, без уточнений, кто же он (только Mart. Epigr. 14.194);
2. утверждения, что Лукан не поэт, а оратор (только Quint. Inst. 10.1.90);
3. утверждения, что Лукан не поэт, а историк, без пояснения причин (Iord. Get. 5.43, Isid. Etym. 8.7.10, Σ^B Luc. 1.1);
4. развернутые утверждения, что Лукан не поэт, а историк (Petr. 118; Serv. in Aen. 1.382).

Непонятное свидетельство Квинтилиана предлагается оставить в стороне (делать на его основании обычный вывод, что шокированные новаторством Лукана критики просто без разбора ругали его кем попало, нам не кажется разумным). В результате мы можем реконструировать остальную часть критики по темному тексту Петрония, используя для его прояснения понятный текст Сервия. В частности, по-видимому, верным оказывается утверждение, что по крайней мере одним из аргументов в пользу того, что Лукан – историк, было отсутствие в «Фарсалии» традиционного божественного аппарата.

Исходя из этого, мы предлагаем следующую реконструкцию литературно-теоретического контекста обвинений против Лукана. Эта критика, мы полагаем, имеет в виду эллинистическую (возможно, происходящую из школы перипатетиков) оппозицию *historia*–*fabula*–

argumentum / ἱστορία–μῦθος–πλάσμα⁴, которая в свою очередь является полемической репликой на аристотелевское разграничение истории и поэзии в «Поэтике» 1451a38–b5. У Аристотеля историк занимается «тем, что было», а поэт – «тем, что могло бы быть»; в эллинистической схеме история также занимается «тем, что было», но вот fabula/μῦθος, подобающий предмет для трагедии и эпоса, т. е. поэзии *par excellence*, уже определяется, наоборот, как «то, чего быть не могло», «чего в жизни не бывает»⁵. Требование о вмешательстве богов в действие могло быть частным проявлением этой концепции (в частности, Сервий, использующий эту эллинистическую схему – ср. *Serv. in Aen.* 1.235, – трактует богов именно как «мифическую» фантастику).

Однако явно существовали и сторонники нарушения этой границы и смешения *fabula* и *historia*. За такое смешение выступает, например, тот же самый Сервий; мы предлагаем также видеть отражения идеи о необходимости такого смешения в мозаике III в. н. э. из Гадрумета, где Вергилий изображен, по-видимому, в сопровождении Клио и Мельпомены, а также в тексте *Val. Fl.* 3.14–18 и *St. Theb.* 10.628–631, где Клио призывается подчеркнута в связи с информацией о богах.

В этом контексте можно допустить, что Лукан стал объектом таких обвинений потому, что сознательно нарушал известное ему требование (если это требование действительно перипатетическое, то здесь может быть значим стоический фон творчества Лукана). Это говорит об уместности применительно к Лукану заявленной нами во вступлении модели сопоставления поэзии с не-поэзией. В представлениях грамматиков IV–V вв. н. э. пересечение границы между поэзией и философией стоит примерно в одном ряду с рассмотренным пересечением границы между поэзией и

⁴ См., напр., *Rostagni A.* Aristotele e aristotelismo nella storia dell'estetica antica: Origini, significato, svolgimento della "Poetica" // *Studi italiani di filologia classica.* Vol. II. 1922. P. 118–124.

⁵ Промежуточный вариант *argumentum/πλάσμα* – предмет комедии: «чего не было, но могло бы и быть».

историей (ср. *Macr. Somn. Scip.* 1.9.8 и *Serv. in Aen.* 1.382; *Serv. in Aen.* 6 praef.). В принципе возможно, что они стояли в одном ряду уже в представлениях Лукана; тогда и идея сопоставить «Фарсалию» конкретно с философией оказывается особенно уместна.

ВТОРАЯ ГЛАВА («История интерпретации “Фарсалии” и эволюция подходов к тексту») посвящена истории общей интерпретации поэмы и сопоставления поэмы со стоической философией.

Восходящие еще к позднеантичным схолиям попытки реконструкции актуального политического содержания поэмы (какое отношение автора к своему сначала покровителю, а потом гонителю Нерону выражено в поэме: критика, поддержка, или же Лукан говорит о Нероне с намеренной двусмысленностью?)⁶ отвергаются нами как непродуктивные (данных для суждения явно недостаточно), так же как и попытки указать, опираясь на биографическую традицию, место поэмы, в котором отношение Лукана к Нерону меняется с положительного на отрицательное.

Рассмотрение общих интерпретаций поэмы в терминах отношения автора к персонажам начинается со средневековых *accessus ad auctores*. Средневековые соотнесения героев Лукана с «философией» специфичны тем, что речь там идет не о какой-то конкретной философии и даже не о подразумеваемой Луканом философии, а о «философии вообще», тождественной истине; поэтому в тексте Лукана можно видеть даже христианские аллегории (как делает Данте). Авторы эпохи Возрождения уже соотносят взгляды Лукана с античными учениями, но, конечно, теми, которые и сами разделяли (Лоренцо Валла – с эпикуреизмом, Помпоний Лет – с республиканской идеологией). Увлечение Луканом в Англии XVII в. не оставляет, насколько нам известно, теоретических высказываний о Лукане, но в написанных под влиянием Лукана текстах хорошо видно впечатление от лукановского парадоксализма. Критика XVIII и XIX вв. преимущественно воспроизводит в разных комбинациях одни и те же мысли о Лукане, взятые в

⁶ См., напр., обзор в *O'Hara J. J. Inconsistency in Roman Epic*. Cambridge, 2007. P. 132–136.

основном из «Поэтики» Юлия Цезаря Скалигера (1561) и из предисловия Питера Бурмана Старшего к его изданию «Фарсалии» (1740): Лукан неудачно выбрал героем негероического Помпея и антигероем героического Цезаря; в результате поэт пытается сделать Помпея привлекательным, а Цезаря очернить, но вопреки воле автора привлекательным оказывается Цезарь, а в Помпее просвечивают недостатки. Таким образом, была выявлена противоречивость лукановской трактовки персонажей, но не делалось попыток объяснить эту противоречивость иначе как неудачей поэта.

На рубеже XIX и XX вв. ученые начинают обсуждать, чем определяется единство «Фарсалии» и насколько Лукан является стоиком. В ходе XX в. постепенно возобладает мнение, что в технических вопросах (в физике, космологии, в отвлеченных утверждениях об этике) Лукан в общем стоик, хотя не очень «правоверный»⁷; споры об общей стоической направленности замысла поэмы, однако, окажутся более запутанными.

Теория об общем стоическом смысле поэмы впервые была высказана Б. Марти в 1945 г.⁸ на основании сопоставления текста Лукана с Sen. Ep. 75.8–14: Помпей, согласно Марти, проходит те же три стадии на пути к стоической мудрости, которые описаны у Сенеки. Хотя эта идея, по-видимому, основывается на неправильном понимании текста Сенеки и предполагает упрощенную трактовку многих мест поэмы Лукана, в разных адаптированных вариантах она получила большое распространение в науке второй половины XX–XXI вв. Если с 1950-х по 1980-е гг. альтернативу «школе Марти» представляли «беспартийные» исследователи, пришедшие ко многим интересным результатам, то начиная с середины 1980-х гг. в ряде работ формируются общие места традиционной для сегодняшней англо-американской науки критики стоической интерпретации «Фарсалии». Джон

⁷ См. Schotes H. A. *Stoische Physik, Psychologie und Theologie bei Lucan*. Bonn, 1969; Due O. S. *Lucain et la philosophie // Lucain / Prépar. par M. Durry*. Genève, 1970. P. 233–257; ср. Wildberger J. *Quanta sub nocte iaceret nostra dies (Lucan. 9, 13 f.) – Stoizismen als Mittel der Verfremdung // Lucan im 21. Jahrhundert / Hgb. von C. Walde*. München; Leipzig, 2005. S. 56–88.

⁸ Marti B. M. *Op. cit.*

Хендерсон и Ральф Джонсон выдвинули в центр дискуссий о Лукане его парадоксализм, трактуемый как «нигилистическое» отвержение любых ценностей⁹. Джейми Мастерс проинтерпретировал высказывания нарратора в пользу Помпея и Цезаря как всего лишь метапоэтическое изображение борьбы между желаниями поэта, который рвется развивать действие, но в то же время сознает нечестивость своего рассказа о братоубийственной войне¹⁰. Шади Бартч предложила видеть в Лукане рортианского «политического ироника», который не может всерьез принять никакие политические убеждения и потому принимает их только «иронически»¹¹. Мэтью Ли, весьма удачно описывая лукановскую тему вовлеченности в события, полагает, что и Цезарь, и Помпей, и Катон задуманы Луканом как «смотрящие со стороны» на происходящую трагедию, а потому как карикатурные образы¹². Общим для всех этих работ является акцент на почерпнутом из современной нарратологии представлении, будто Лукан не имеет в виду того, что прямо высказывается в его поэме. Поэтому такой подход закономерно вызвал оживленную критику со стороны «школы Марти».

Дискуссии относительно общей интерпретации поэмы, как кажется, делают правомочной предложенную постановку вопроса: если не получается однозначным образом извлечь «сообщение» Лукана о персонажах из прямых высказываний о них, то следует подойти к проблеме через изучение более конкретного аспекта отношения Лукана к стоицизму, и мы выбираем в качестве такого аспекта тему времени.

Разбору этого аспекта и посвящена **ВТОРАЯ ЧАСТЬ («Время в философии стоиков и у Лукана»)**, состоящая из двух глав.

В **ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ («Философский контекст лукановской темы времени»)** рассматриваются интерпретации времени в сочинениях римских

⁹ *Henderson J. Lucan / The Word at War // The Imperial Muse: Ramus Essays on Roman Literature of the Empire. To Juvenal through Ovid / Ed. by A. J. Boyle. Victoria, 1988. P. 122–164; Johnson W. R. Op. cit.*

¹⁰ *Masters J. Op. cit.*

¹¹ *Bartsch S. Op. cit.*

¹² *Leigh M. Op. cit.*

стоиков (прежде всего в сочинении Сенеки «О краткости жизни») и их предшественников (прежде всего ранних стоиков).

Ранняя Стоя (Хрисипп и, возможно, Зенон Китийский) решает физические проблемы существования времени, сформулированные Аристотелем (как существует прошлое и будущее, если его уже/еще нет? как существует настоящее, если это бесконечно малая ускользающая точка, которую не ухватишь?)¹³, за счет введения разных категорий существования: прошлое и будущее $\acute{\upsilon}\phi\epsilon\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota$, но не $\acute{\upsilon}\pi\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\upsilon\sigma\iota$, настоящее $\acute{\upsilon}\pi\acute{\alpha}\rho\chi\epsilon\iota$, но не $\acute{\epsilon}\nu\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\kappa\epsilon$ κατ' ἀπαρτισμόν (SVF 2.509), а время в целом получает промежуточный онтологический статус «бестелесного», ἀσώματον (SVF 2.331). Как кажется, можно говорить о том, что в парадоксах раннестоической теории времени отразился внутренний конфликт системы стоицизма. С одной стороны, стоики исходят из установки, что все элементы мира находятся в связи друг с другом (поэтому нельзя говорить о настоящем в отрыве от прошлого и будущего, и относительный статус существования настоящего оказывается ущербным). С другой стороны, стоики придерживаются крайнего номинализма, то есть стремятся говорить только об абсолютно конкретных вещах, имеющих место именно здесь и сейчас (с этой точки зрения как раз статус существования настоящего оказывается преимущественным).

Позднестоическая философия (и, в частности, Сенека) трактует время не в чисто физическом ключе, но в связи с этическими и психологическими проблемами; это меняет перспективу, но по сути дела речь у Сенеки идет о все тех же противоречиях.

Время в позднестоической философии мыслится как принципиально разрушительная сила; оно не приносит никаких благих обновлений, оно способно только разрушать, портить, отнимать, уносить. Джон Рист рассматривает теорию времени других поздних стоиков (Эпиктета, Марка

¹³ См. *Goldschmidt V. Le système stoïcien et l'idée de temps. Paris, 1953.*

Аврелия) скорее не в аристотелевском, а в гераклитовско-платоническом контексте, как своего рода платонизм без мира идей, т. е. без убежища от этого разрушительного потока времени¹⁴.

В системе Сенеки (в сочинении «О краткости жизни») такое убежище есть. В частности, если отбросить страсти, заставляющие вовлекаться в поток времени (такие как страх и надежда) и обратиться к себе и к книгам мудрецов, то можно внутри момента настоящего овладеть сразу всем прошлым и будущим, самому стать мудрецом и оказаться как будто над потоком. Те же, кто одержим страстями, *оссура́ти* «погруженные в дела», на самом деле владеют только ничтожно кратким и уносящимся моментом настоящего (с этой точки зрения относительный статус настоящего оказывается ущербным). Но, с другой стороны, и этот момент настоящего *оссура́ти* как раз не ценят, их страсти, страх и надежда, заставляют их думать прежде всего о будущем; мудрец же единственный способен правильно использовать настоящее, не отвлекаясь на мысли о несуществующем времени, и с этой точки зрения, наоборот, преимущественным оказывается статус настоящего.

В тексте Сенеки можно выделить несколько вариантов существования «погруженных в дела». Если мудрец настолько полноценно использует каждое мгновение настоящего, что готов уйти в любой момент и прожитая жизнь не кажется ему короткой, то «погруженные в дела» могут, с одной стороны, жить так, как будто они бессмертны, и разбрасываться своим временем (в этом случае основная их страсть – надежда или страстное желание, *spes, cupido, desiderium*); либо, с другой стороны, они могут вдруг осознать, что приближается смерть, и в этом случае спохватываются и начинают жить страхом (*metus*)¹⁵.

¹⁴ Rist J. *Stoic Philosophy*. Cambridge, 1969. P. 273–288.

¹⁵ Пара *spes–metus* у Сенеки и Лукана, вероятно, соответствует стоическим *ἐπιθυμία* и *φόβος*, ср. Inwood B. *Ethics and Human Action in Early Stoicism*. Oxford, 1985. P. 145–146.

Опираясь на эти обобщения, мы можем в следующей далее **ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ («Отношение персонажей Лукана к времени»)** сопоставить их с трактовкой темы времени в «Фарсалии».

В первую очередь напрашивается сопоставление важной для Сенеки темы вовлеченности/невовлеченности в поток времени с выделенной в «Фарсалии» Мэтью Ли¹⁶ и действительно очень важной для Лукана темой риторической ἐνάργεια, вовлечения читателя в события, минуя пространство и время. Как прорицатель Гай Корнелий телепатически переносится к событиям Фарсальской битвы в Luc. 7.192–196, так Лукан в Luc. 7.205–213 призывает и читателя перенестись через время и, переживая за Помпея, испытывать те же самые spes и metus, «надежду и страх», что и погруженные во время ossupati Сенеки. Однако, как эти две страсти, по-видимому, распределяются между двумя типами сенекианских ossupati, так же они оказываются в общем разделенными между двумя центральными персонажами Лукана: с оттягивающим катастрофу Помпеем связана тема страха, а с торопящим события бесстрашным Цезарем – тема spes, надежды (как и некоторые другие темы, связанные у Сенеки с соответствующим типом ossupati). Таким образом, мы можем рассмотреть центральную оппозицию лукановской системы персонажей как оппозицию двух возможностей вовлечения во время.

Цезарь в поэме довольно последовательно характеризуется как неумный, постоянно рвущийся вперед, не останавливающийся ни перед чем, воюющий не столько ради самой победы, сколько ради постоянных разрушений и опасности, все время искушающий судьбу, как будто он бессмертен. С характеристикой Помпея, однако, дело обстоит несколько сложнее. В публичной деятельности он обычно выглядит просто нерешительным и плохим полководцем. Однако перед нами предстанет гораздо более сложная и интересная картина отношения ко времени, если мы сосредоточимся на сценах, в которых читатель получает доступ в «частный

¹⁶ Leigh M. Op. cit.

мир» Помпея (в первых 7 книгах это отплытие из Италии и следующий за ним сон в начале III книги, прощание с Корнелией в конце V книги и сон перед сражением в начале VII книги).

Над Помпеем все время тяготеет неизбежно надвигающееся событие или необходимость сделать следующее действие, но он предпочитает до последнего оттягивать эту «катастрофу (в миниатюре)» и *tempus subducere fatis* (Luc. 5.733), «красть время у времени», «похищать отрезок времени у временного потока», чтобы спрятаться в нем. Это довольно точное описание того, как именно Помпей затягивает время. Мы бы допустили, что постоянная связь таких сцен у Лукана (как и их имитаций в «Фиваиде» Стация) с ночью и спальней указывает на сознательную аналогию с человеком, лежащим утром в постели и не встающим. Можно, проснувшись, не вставать и отсрочивать следующие далее события; правда, если наступление дня действительно связано с чем-то неприятным, то спокойно спать уже тоже не получится, то, что это время «украденное», будет давать о себе знать. В отличие от убежища стоического мудреца, «украденное время» не независимо от временного потока, как взятая в займы или украденная собственность не равноценна независимому владению: в самую природу помпеевского укрытия с самого начала включена и не дает о себе забыть его неизбежная конечность, временность.

Можно возразить, что такая аналогия профанировала бы серьезность того, о чем пишет Лукан. Однако, мы полагаем, Лукан именно и подчеркивает, что для Помпея разные катастрофы, обладающие с точки зрения любой системы ценностей принципиально неравной значимостью (в частности, прежде всего, катастрофа политическая и катастрофа любовная), оказываются, наоборот, принципиально эквивалентны, между ними вообще отрицается всякое различие. Это можно проиллюстрировать системой взаимных отсылок между лукановскими пассажами, посвященными политической и любовной катастрофе Помпея (ср., напр., Luc. 5.741–742 с 7.195 и Verg. Aen. 2.324; Luc. 7.32 с 5.794; ср. также Luc. 3.4–7 с Ov. Met.

11.463–470)¹⁷. И действительно, если время представляется как способное только отнимать, то в принципе вообще все события должны в равной степени мыслиться как катастрофы, будь это хоть вставание с постели утром: ведь всякое событие всегда что-то уносит и уничтожает, и никогда не приносит ничего хорошего. Если Помпей оттягивает любой решающий момент, серьезен тот или нет, то Цезарь стремится к тому, чтобы приблизить решающий момент, независимо от того, что тот принесет (ср., напр., Лис. 6.6–8).

Таким образом, мы находим у Лукана оригинальное и своеобразное развитие стоической темы, не очень похожее на трактовку времени в философии Сенеки, но перекликающееся с интересовавшими того проблемами.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ исследования («Тема времени в тематической структуре “Фарсалии”»), также состоящая из двух глав, должна применить результаты сопоставления темы времени у Лукана и Сенеки к общим проблемам интерпретации поэмы.

В ПЯТОЙ ГЛАВЕ («Оппозиция внешнего и внутреннего в “Фарсалии” и проблема интерпретации поэмы») организация времени Помпея и Цезаря рассматривается с точки зрения противопоставления внутреннего/частного и внешнего/публичного в поэме. Такая перспектива позволяет нам перейти к вопросу о смысле противоречивого отношения нарратора/поэта к персонажам (напр., почему говорится, что читатели поэмы будут симпатизировать Помпею, если Помпей плохой полководец и как человек в общем-то тоже обладает массой недостатков с точки зрения и стоической, и декларируемой в «Фарсалии» этики?).

Мы уже ввели в предыдущей главе оппозицию «внешнего» и «внутреннего» Помпея; анализ темы лживости публичной риторики у Лукана подтверждает корректность такого противопоставления. Большая роль в поэме публичной риторики, речей перед толпой делает устройство

¹⁷ Ср. также *Ahl F. Lucan: An Introduction*. Ithaca; London, 1976. P. 150–189.

коммуникации в мире «Фарсалии» очень специфичным. Речь перед толпой в принципе не подразумевает вербального ответа, диалога, а четкое различие малого числа вариантов реакции толпы (одобрение/неодобрение) ставит речь в прямую зависимость от эффективности, делает ее прежде всего инструментом убеждения.

Поэтому публичные речи Цезаря и цезарианцев, будучи постоянно успешными, одновременно подразумевают постоянное (и постоянно подчеркиваемое Луканом) искажение действительности, стремление убедить в выгодной для себя идее независимо от ее истинности¹⁸. Публичное – это маска. Напр., когда в *Лус.* 1.353 войска, вспоминая (как поясняется в тексте поэмы) о благочестивом отношении к родине, не спешат одобрительно отозваться на призывы Цезаря, центурион Лелий обращается к Цезарю, объясняя ропот толпы тем, что солдаты недовольны, наоборот, медлительностью полководца – и на эту откровенно лживую риторику войска тем не менее отвечают уже воодушевленными возгласами (*Лус.* 1.359–388). Обычно мастером эффективной (и лживой) риторики выступает Цезарь (напр., *Лус.* 5.237–373).

Правда, в поэме есть еще один персонаж, фантастическим образом способный одной только речью изменить настрой целого войска – это Катон (*Лус.* 9.253–293, ср. *Лус.* 9.165–166), во многом зеркальное отражение Цезаря, еще один «сверхчеловек», только не злодей, наоборот – скорее своего рода стоический «святой». С Катоном как раз не связана тема подтасовки действительности, но скорее подразумевается, что его устами говорит сама истина (*Лус.* 2.285, 9.188–189, 9.255, 9.564–565), и этим и обусловлен успех (общее правило: цели достигает лишь циничная риторика – здесь нарушается). Правда, есть одна черта, которая отличает Катона от стоического мудреца – он тоже вовлечен во время (ср. *Лус.* 2.289–290 с *Нор.*

¹⁸ См., напр., *D'Alessandro Behr F.* *Feeling History: Lucan, Stoicism, and the Poetics of Passion.* Columbus, 2007. P. 33–35.

Carm. 3.3.7–8). Невовлеченность в поток времени в «Фарсалии», по-видимому, вообще практически невозможна.

Помпей тоже придает большое значение этой внешней, публичной деятельности, но постоянно оказывается в ней неуспешен. Исключение – Luc. 7.382–384: войска все-таки реагируют с воодушевлением на речь Помпея, в которой он как раз апеллировал к собственной судьбе и судьбе своей семьи, т. е. к частному, а не публичному. Очевидно, любовь к Помпею определяются этим приоткрыванием «внутреннего» Помпея. В этом контексте, мы полагаем, корректно предположить, что и то сочувствие читателей Помпею, о котором говорится в Luc. 7.213, точно так же должно быть связано с получаемой читателем возможностью проникнуть во «внутреннее» пространство Помпея и в его «украденное время» – возможностью, о которой шла речь в предыдущей главе.

Если привлекательность Помпея связана с его «внутренней», «частной» стороной, то почему Помпей так привязан к своей малопривлекательной «публичной» личине? Мы полагаем, логика здесь та же, по которой и с другими персонажами поэмы, прежде всего Цезарем, связана система периодических «отступлений от амплуа»: речь, напр., о тех случаях, когда Цезарь вдруг на мгновение ощущает страх и останавливается (= становится «как Помпей»), и потом сразу же приходит в себя, и к нему возвращается его решительность (Luc. 1.192–195, 7.242–249, ср. 7.295–299). Точно так же, по-видимому, и Помпей стремится быть «как Цезарь». Смысл этой системы, вероятно, в том, чтобы таким образом только сильнее подчеркивать: Цезарь совсем не Помпей, Помпей совсем не Цезарь.

Публичное/частное осмысляется именно через вовлечение во время. «Украденное время» Помпея – это бегство от вовлеченности-во-время, и потому оно невозможно без этой вовлеченности. «Внутреннее пространство» Помпея в общем-то тождественно «украденному времени», и устроено оно так же: невовлеченность в публичную жизнь в мире «Фарсалии» невозможна, и только за счет этого и становится возможным бегство в «частное». Не

случайно предсмертные («внутренние») мысли Помпея о том, как он выглядит, умирая (о «внешнем»), оказываются одновременно еще одной декларацией идеи читательской ἐνάργεια (Luc. 8.622–627); читатель перемещается через расстояние во времени внутрь временного потока (= в публичную реальность), но сочувствует именно бегству от этого временного потока (= от публичного в частное).

Мы полагаем, что такая интерпретация устраняет все видимые противоречия в характеристиках персонажей «Фарсалии». Кажущееся не всегда логичным утверждение нарратора, что читатели будут симпатизировать Помпею (Luc. 7.213), вместе с симпатией самого нарратора к Помпею связано с возможностью проникнуть в «затягиваемое время» этого персонажа; откровенно же негативные черты Помпея и привлекательные стороны Цезаря периодически подчеркиваются ради создания парадоксальной системы «отступлений от амплуа».

ШЕСТАЯ ГЛАВА («Проблема целостности поэмы») посвящена вопросу о смысле включения книг с восьмой по десятую в поэму. Если время и Помпея, и Цезаря строилось на ожидании (оттягивании/приближении) финальной катастрофы, то как поэма может продолжаться после этой катастрофы и зачем такое продолжение?

Мы полагаем, что в этих трех книгах мы находим различные версии того, как возможно время после катастрофы.

Восьмая книга полностью посвящена Помпею. Казалось бы, Помпей должен освободиться от страха (вместе с политическими амбициями), и поэма должна закончиться; все уже произошло, Помпей может просто мирно доживать свой век. Но поэма не кончается, и Помпей не освобождается от тревоги и вовлеченности. При этом он вновь возвращается в уже знакомую нам атмосферу страха и затягивания. На этот раз надвигающаяся катастрофа – смерть.

Центральная часть девятой книги отведена походу Катона по ливийской пустыне. Это, мы полагаем, другой ответ на вопрос, как возможно

время после катастрофы, – вариант Катона. Если до Фарсальской катастрофы Катон не мог по-настоящему проявить себя, поскольку всегда была возможность, что его подвиги сослужат добрую службу будущему тирану (Лус. 9.19–30), то поражение при Фарсале и потеря шансов на победу создают те условия, которые и нужны для идеального героизма Катона: война ради войны, не ради победы, чистая демонстрация доблести без всякой практической пользы (Лус. 9.386–392). Более того, даже войны-то, собственно, нет, Катон уводит свое войско в пустыню, где нет никакого противника и где солдаты выносят тяготы просто так, чтобы выносить тяготы.

Ливия в изобилии предоставляет Катону те фантастические трудности, которых он так хочет¹⁹, от бесчисленных и разнообразных ядовитых змей до громадных расстояний, и Лукан, мы полагаем, всячески подчеркивает чудовищность описываемого в этой книге, в т. ч. ее преувеличенным объемом и затянутыми отступлениями: читатель должен пройти через такие же трудности, как и Катон. Героический уход через трудности в пустыню, в никуда, от мира (как предполагает один из солдат Катона в Лус. 9.871–878, даже на другое полушарие) соответствует аналогичному устройству времени, выбранного Катonom, – это время-вне-времени, опять же, своего рода «пузырь» или «капсула», наподобие «убежищ» Помпея, только несколько иного рода; в отрезке времени до смерти помещается как будто другая временная прямая, другая бесконечность, героическое безвременье, совершенно в стороне от всех событий (решающая битва уже проиграна; для тех, кто не сдается на милость Цезарю, остается только смерть; время как бы уже кончилось, остался только отрезок перед смертью, который можно разве что наполнить идеальной доблестью).

¹⁹ См. *Viarre S.* Catone en Libye: L'histoire et la métaphore (Lucain, Pharsale, IX, 294–949) // *Neronia* 1977 / Publ. par J.-M. Croisille et P.-M. Fauchère. Clermont-Ferrand, 1982. P. 103–110; *Moretti G.* Catone al bivio: Via della virtù, lotta coi mostri e viaggio ai confini del mondo: Il modello di Eracle nel IX del Bellum Civile // *Interpretare Lucano* / A cura di P. Esposito, L. Nicastri. Napoli, 1999. P. 237–252.

Десятая книга посвящена Цезарю. Можно предположить, что это должен был быть какой-то третий ответ на тот же самый вопрос. Цезарь действительно как-то теряет ориентир после смерти врага и часто опять «отступает от амплуа», даже думает о том, чтобы уйти в пустыню на поиски истоков Нила, напоминая тем самым о походе Катона; однако книга, видимо, оборвана, и о цельном ее замысле судить трудно.

Кроме темы «времени после катастрофы», три заключительные книги объединяются также темой географического «расползания» гражданской войны, разрастания ее до пределов обитаемого мира и за эти пределы: Помпей помышляет о бегстве в Парфию и в итоге бежит в Египет, Катон уходит в Ливию, Цезарь думает о походе к истокам Нила. Эта тема («нет места в мире, где не было бы нашей гражданской войны») эксплицитно формулируется и нарратором «Фарсалии»: Лис. 8.595–608, 10.410–411. Действительно, в каталогах поэмы Лукан охватывает практически все уголки известного римлянам мира²⁰.

Мы полагаем, что в целом включение последних трех книг в поэму и объясняется этой темой постоянного разрастания гражданской войны за любые границы (в т. ч. временные, но не только) – темой, которая задана уже в формулировке *bella... plus quam civilia* «война более чем гражданская» в первой строке поэмы.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА («Переклички времен в “Фарсалии”»)
выделена как дополнительная, поскольку несколько выходит за пределы логики основной части работы. В этой главе мы пытаемся посмотреть на тему времени у Лукана с точки зрения другого напрашивающегося сопоставления – с развитием темы связи прошлого, настоящего и будущего в античной эпической поэзии. За счет пророчеств и отсылок к прошлому система перекличек у Лукана тоже образуется, но такой четкой симметрии «срезов», как в «Энеиде» (Троя – настоящее Энея – будущий Рим), не

²⁰ Ср. *Hodges G. W. Q. Ethnographic Characterisation in Lucan's Bellum civile. Columbus, 2004.*

получается, скорее мы находим много более или менее равноценных параллелей к войне между Помпеем и Цезарем, в духе «все это уже было с Римом», «все это постоянно повторяется с Римом». Вместо системы «срезов» в «Фарсалии» скорее, как у Пифии в состоянии экстаза (еще один пример перемещения через время, напоминающего о лукановской теме ἐνάργεια), venit aetas omnis in unam / congeriem «все времена собираются в одну грудку» (Luc. 5.177–178).

В центр рассмотрения в этой главе ставится использование аллюзий для указания на связь между временными пластами²¹, причем нас интересуют не столько аллюзии на латинские тексты (очевидным образом в изобилии присутствующие у Лукана; некоторые из них разбирались ранее по ходу исследования), сколько на греческие, потому что латинские эпические предшественники Лукана неизбежно в конечном счете вписывают любой разрабатываемый сюжет в историю или предысторию Рима, и аллюзия на них понятным образом просто добавляет к параллелям еще один пункт из «биографии Рима». Аллюзии же на греческие тексты в принципе допускают добавление параллельного временного пласта без подчинения его римской телеологии. Поскольку надежных аллюзий на греческие тексты у Лукана удастся найти очень мало, мы в настоящей главе ограничиваемся подробным разбором только одной из них – указанной Джан Бьяджо Конте²² отсылки к Od. 9.391–394 в Luc. 6.178–179.

У Лукана речь идет о том, как центурион Сцева в одиночку обороняет укрепления Цезаря от наступающих войск Помпея. Некоторых из лезущих на стены врагов он поражает факелами в лицо, и огонь шипит (stridet) из-за того, что загораются глаза. Вообще пассаж лексически очень напоминает Ov. Met. 12.274–279. Однако Овидий не упоминает о шипении горящих глаз (шипит, stridet, у Овидия кровь), зато поясняется, что за звук подразумевается в слове

²¹ См. об этом приеме *Conte G. B. Memoria dei poeti e sistema letterario: Catullo, Virgilio, Ovidio, Lucano. Torino, 1974; Hinds S. Allusion and Intertext: Dynamics of Appropriation in Roman Poetry. Cambridge, 1998. P. 1–16.*

²² *Conte G. B. La 'Guerra civile' di Lucano. Urbino, 1988. P. 81.*

strideo: это как когда кузнец опускает раскаленное железо в воду. Сравнение Овидия явным образом отсылает к гомеровскому сравнению в Od. 9.391–394, поясняющему, в свою очередь, греческий глагол σίζω; у Гомера, однако, речь идет как раз о звуке, с которым Полифему выжигают глаз. Вероятно, Лукан одновременно делает аллюзию и на Овидия, и на его греческий образец.

Однако на самом деле эта параллель оказывается вплетена в более сложную систему соответствий. Монструозный и фантастически доблестный Сцева явным образом ассоциируется с республиканскими героями (которых Лукан, по-видимому, воспринимает в похожем ключе, как нечеловечески могучих богатырей), прежде всего с Муцием Сцеволой²³ и в особенности с Горацием Коклесом²⁴, который тоже в одиночку (по одной из версий) удерживал вражеское войско; поэтому фраза Лукана *parque videt Fortuna novum concurrere, bellum / atque virum* «И Фортуна наблюдает столкновение не виданной прежде пары соперников: вся война против одного мужа» (Luc. 6.191–192) вызывает некоторое ощущение «дежа вю». Но Гораций Коклес и есть «римский Полифем»: прозвище, искаженное из греческого Κύκλωψ, он, по свидетельству Plut. Publ. 16.7, получил из-за потери глаза в бою. Однако глаз теряет и Сцева. По-видимому, текст Лукана подразумевает сразу несколько «претекстов» монструозной героики: римский, но через него и греческий.

Для нас особенно интересно, что к эпизоду Лукана оказывается вполне применима и аллегорическая трактовка гомеровского эпизода ослепления Полифема (Heracl. HP 70.4–5 = Σ^T Od. 9.89, ср. Fulg. Expos. 94.2–11 Helm). Моралистические трактовки обычно так или иначе связывают киклопа с ослеплением страстью, аффектом. Но и Сцева яркий пример периодически подчеркиваемой Луканом ослепленности участников

²³ См. *Henderson J. Op. cit.*

²⁴ См. *Leigh M. Op. cit.* P. 164.

гражданской войны (Luc. 1.87; 7.95; 7.747; ср. также 6.297 – и ср. с Luc. 6.147–148; 6.257–262)²⁵.

Среди выделенных нами пластов история Коклеса выделяется тем, что как раз к ней аллегорическая трактовка применяется плохо, Коклес для римской телеологии – явно позитивный пример героизма. Значит, отсылка к Гомеру добавляет что-то, чего в римской телеологической перспективе не было: Сцева «как Коклес, но только при этом как Полифем». Получается, связываемые пласты времени – не «биография Рима», а скорее «так происходит со всеми людьми», и телеология в принципе чужда поэме Лукана²⁶, отсюда и асимметрия параллельных времен, «сваленных вместе» в «вечном сейчас». Но в итоге мы по сути пришли к той же самой схеме, что и в пятой главе (все времена на равных правах вовлекаются в вечно актуальное время противостояния Помпея и Цезаря), а отсутствие телеологически доминирующего параллельного времени напоминает о выделенной нами в четвертой главе равноценности «катастроф» Помпея (отправить жену на Лесбос, проиграть решающее сражение или умереть – это все равноценные повторения одной и той же вечной катастрофы; точно так же подвиги Коклеса, войны Суллы и Мария или ослепление Полифема – всё равноправные отражения гражданской войны «на все времена»).

В ЗАКЛЮЧЕНИИ суммируются выводы каждой из глав. Проекция стоической теории времени на поэму позволила нам выстроить объяснение видимых противоречий поэмы. Противоречия в прямых высказываниях «Фарсалии» о Помпее и Цезаре устраняются, если учесть одновременно представления Лукана о «вовлечении» читателей в настоящее персонажей и то, как он изображает отношение Помпея и Цезаря ко времени. «Медлительность» Помпея устроена как выделение отрезков «бегства от времени» в не-публичное пространство, куда Лукан также допускает читателя. Потому он и ждет от читателя симпатий к Помпею, хотя и

²⁵ Ср. *Gorman V. B.* Lucan's Epic "Aristeia" and the Hero of the "Bellum Civile" // *The Classical Journal*. Vol. 96. 2001. P. 279.

²⁶ Ср. *Gagliardi D.* Lucano Poeta della libertà. Napoli, 1970. P. 112–150.

изображает его как плохого политика. Время Помпея, Катона и Цезаря по-разному «продолжается» в книгах с 8 по 10 после итоговой катастрофы – Фарсальского сражения: это объясняется важной для Лукана темой выхода войны за все пространственные и временные рамки. Сопоставление роли стоического контекста и контекста эпической традиции в поэзии показало, что Лукан в равной степени свободно обращается со своими образцами, выстраивая оригинальную картину центральной для всех людей войны, на которой сконцентрированы отзвуки и взоры всех времен.

Публикации по теме диссертации:

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК:

1. Время комментариев и время без комментариев (Рец. на кн.: Культура интерпретации до начала Нового времени. М., 2009) // Новое литературное обозрение. №102. 2010. С. 337–343.
2. Римская сатира и идея «метризации» текста в античной литературной теории // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV: Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 20–22 июня 2011 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2011. С. 594–601.
3. <Рец. на кн.:> N. Coffee. The Commerce of War: Exchange and Social Order in Latin Epic. Chicago; London, 2009 // Вестник древней истории. 2011. №2. С. 206–211.

Другие публикации:

1. Семантика метра в римском риторическом эпосе: Стечение спондеев в молитвенном обращении // Работа памяти: Сборник статей студентов и выпускников РГГУ / Сост. Е. Д. Матусова, О. М. Розенблюм. М.: РГГУ, 2008. С. 52–65.

2. Метрические *argumenta* Лукана: По следам грамматических традиций (Часть I. *Argumenta Barthiana*) // Аристей. Т. I. 2010. С. 78–105.
3. Метрические *argumenta* Лукана: По следам грамматических традиций (Часть II. *Argumenta Sidoniana et Laurentiana*) // Аристей. Т. III. 2011. С. 78–96.